

Зимой 1927/28 года чиновники федерального правительства провели секретное расследование неких событий, происшедших в старинном Массачусетском порту Инсмут. Население впервые узнало об этом в феврале, когда последовали многочисленные облавы и аресты, а затем в той же обстановке таинственности были взорваны и сожжены вытянувшиеся вдоль берега многочисленные ветхие и замшелые лачуги, давно уже покинутые своими хозяевами.

Некоторые из окрестных жителей по простоте душевной связывали действия властей с преследованием нарушителей сухого закона. Зато люди более-менее образованные изумлялись столь массовым арестам, не менее озадачивало их большое число привлеченных правоохранительных сил и тщательная конспирация в отношении арестованных. Печать хранила упорное молчание. Велась ли по этому делу судебные процессы? Были ли предъявлены обвинительные заключения? Так или иначе, в государственные тюрьмы не поступил ни один из обвиняемых. Ходили слухи о некой эпидемии и о специальных лагерях, а позднее — о размещении заключенных в военных тюрьмах, но ни во что определенное эти слухи так и не вылились. Долгое время Инсмут оставался наполовину вымершим городом, только недавно в нем появились первые признаки возрождения.

Либеральные круги выступили с протестами по поводу утаивания от общественности фактов расследования, и тогда отдельным депутациям позволено было посетить некоторые лагеря и тюрьмы. Любопытно, что после этих поездок протесты мгновенно прекратились. Труднее оказалось заткнуть рот прессе, но и она в конце концов сдалась. Только одна бульварная газетенка с неодолимой тягой ко всему скандальному проболталась, что некая подводная лодка сбросила за Рифом Дьявола несколько глубоководных бомб. Однако это сообщение, поданное со слов моряков, сочли не относящейся к делу болтовней — зловещий риф лежал не менее чем в полутора милях от Инсмутской гавани.

Жители округи и близлежащих городов долго толковали об этих событиях, но в большой мир слухи не просочились. Впрочем, население здешних мест поговаривало о черных делах, творившихся в постепенно вымиравшем Инсмуте вот уже почти сто лет, причем и сами рассказы, и недомолвки равно приводили в трепет. Люди здесь приучились держать язык за зубами, и никакими силами невозможно было их разговорить. Да и знали они на самом деле не так уж много: огромные солончаковые болота, где не жила ни одна живая душа, отделяли Инсмут от ближайших поселений.

И вот теперь я решаюсь наконец пролить свет на таинственные события. Со всей этой нечистью, убежден, покончено насовсем, и потому гласность не принесет вреда, разве что заставит испытать глубокое отвращение, пережитое некогда участниками операции в Инсмуте. Кроме того, сами события не однозначны и могут навести на иные объяснения. Уверен, что даже мне неизвестна вся правда, хотя, надо сказать, и у меня есть причины не копать глубже. Слишком уж близко соприкоснулся я с этим делом — ближе, чем любой из местных жителей, и то, что испытал при этом, требует и посейчас от меня крайней осторожности.

Ведь именно я в панике покинул Инсмут ранним утром 16 июля 1927 года и затем бомбардировал правительство полными беспредельного ужаса письмами, где описывал случившееся со мной, требуя незамедлительного расследования и самых жестких мер. Пока шло следствие, я ни с кем не откровенничал. Теперь же, когда страсти утихли и все, как говорится, быльем поросло, меня тянет поведать о тех страшных часах, что я провел в этом морском порту с дурной репутацией, в городе, где свили себе гнездо смерть и безграничное зло. Сама попытка поделиться пережитым укрепляет меня в мысли, что я не безумец и не жертва чудовищной галлюцинации. Она, уверен, даст мне силы и для последнего ужасного шага, который мне предстоит совершить.

Прежде у меня не было случая побывать в Инсмуте. Но тем летом, отмечая свое совершеннолетие, я путешествовал по Новой Англии, знакомясь с ее достопримечательностями и славным прошлым. Преследовал я и личные цели: намереваясь лучше ознакомиться со своей родословной, собирался из старинного Ньюберипорта направиться прямо в Архем, откуда происходило семейство матушки. Машины у меня не было, и я старательно избирал повсюду самый дешевый вид транспорта, путешествуя то автобусом, то поездом, то троллейбусом. В Ньюберипорте мне сказали, что до Архема ходит только поезд, проезд на нем стоил довольно дорого, и вот тут-то я впервые услышал об Инсмуте. О нем упомянул кассир, плотный мужчина, с хитроватым лицом и, судя по речи, не местный. Догадавшись о скудости моего кошелька, он отнесся к моему положению с пониманием и посоветовал добраться до Архема другим путем.

«Туда еще ходит автобус, — нерешительно протянул он. — На нем не любят ездить, хотя он и не петляет. Всё потому, что автобус идет через Инсмут. Водит его Джо Сарджент, сам-то он родом из Инсмута. Странно, что автобус до сих пор не сняли с линии: ни здесь, ни в Археме в него не садятся. Ни разу не видел в нем больше двух-трех человек, а ведь билеты недорогие. Только инсмутцы и ездят. Автобус отправляется с площади, прямо от аптеки Хеммонда, в десять утра и в семь вечера, если ничего не изменилось. Старая развалина, никогда сам не ездил в нем».

Вот так я услышал впервые о загадочном Инсмуте. Разумеется, меня сразу заинтересовал этот город, не нанесенный на карту и не упоминавшийся в последних путеводителях, а таинственные намеки кассира только разожгли мое любопытство. Город, способный пробудить такую неприязнь у соседей, думал я, наверняка таит в себе нечто необычное и заслуживает внимания путешественника. Если автобус останавливается в нем перед Архемом, пожалуй, сойду. Придя к такому решению, я обратился к кассиру с просьбой рассказать еще что-нибудь об этом городке. Тот, осторожно подбирая выражения, начал свой рассказ, и в тоне его чувствовалось некоторое пренебрежение к теме разговора.

«Инсмут? Занятный городишко, расположен в устье Меньюксета. Раньше был довольно многолюдным. Известный перед войной 1812 года порт. Но за последние сто пятьдесят лет всё изменилось. Поезда туда не ходят — ветка из Раули давно травой заросла.

Теперь в нем больше пустых домов, чем людей. Заняться нечем, разве что ловить рыбу или омаров. Тамошние жители ездят продавать улов сюда, в Архем или в Инсуич. Раньше в городке было несколько фабрик, но теперь все они закрыты, кроме ювелирной, да и та на ладан дышит, когда работает, когда на замке.

В свое время фабрика славилась на всю округу, а ее нынешний владелец, старый Каин Марш, слыл богатым человеком — сам Крез ему в подметки не годился. Теперь же стал чудачком и затворником. Все отсиживается в своем доме. То ли из-за кожного заболевания, то ли еще какой порок открылся. Дело основал его дед, капитан Абед Марш. Мать Каина была иностранка, кажется, с Карибских островов, и поэтому многие высказывали свое неудовольствие, когда Каин пятьдесят лет назад женился на девушке из Инсуича. С уроженцами Инсмута не любят родниться, а те, в ком течет их кровь, стараются это скрыть. Впрочем, дети и внуки Марша ничем не отличаются от прочих людей. Они не раз покупали у меня билеты. Старшие что-то давно не появлялись. А самого старика я вообще никогда не видел.

И чем этот Инсмут всем не угодил? Послушайте меня, молодой человек, не обращайтесь внимания на эту болтовню! Здешних людей трудно завести, зато, когда заведешь, не остановишь. Об Инсмуте всякое толкуют последние сто лет, шушукуются по углам, а у страха,

сами знаете, глаза велики. Некоторые истории вообще смехотворны. Вроде того, что капитан Марш заключил сделку с дьяволом и заселил Инсмут дьяволятами прямехонько из ада. Или басня о культе Сатаны и об ужасных жертвоприношениях, воздаваемых ему где-то в районе верфи. На их следы якобы наткнулись в 1845 году. По счастью, я не местный, родом из Пентона, штат Вермонт, и в такую чепуху не верю.

А чего только не болтают старожилы об этом мрачном утесе, который они называют Рифом Дьявола! Он почти всегда выступает из воды, и все же островом его не назовешь. Рассказывают, что там видели полчища нечистой силы. Облепили весь утес, шмыгают туда-сюда из пещеры в пещеру, каких там много поближе к вершине. Торчит себе этот риф щербатым уродцем примерно в миле от берега, корабли в ту пору, когда еще был порт, делали большой крюк, только бы не пройти с ним рядом.

Со временем моряки совсем отказались заходить в Инсмут. По их словам, капитан Марш иногда приставал к рифу во время прилива. Может, и приставал — у скалы любопытное строение. Или искал припрятанный пиратами клад. Возможно, и нашел. Но говорили другое: якобы капитан видится там с чертями. Думаю, из-за Марша такая у рифа дурная слава.

Во время страшной эпидемии 1846 года поумирало более половины инсмутцев. Никто так и не узнал, что это за болезнь объявилась. Похоже, что-то заморское: должно быть, моряки завезли из Китая или еще откуда. Жуткое было дело. Начались волнения и прочие безобразия, о которых сами жители не очень-то распространялись перед другими. Эпидемия довела город до чудовищного состояния. В конце концов болезнь отступила и больше не возвращалась, но в городе теперь живет всего триста-четыре человека.

Мне все-таки кажется, что за неприязнью людей к этому месту скрываются обычные расовые предрассудки. Трудно осуждать их, сам не выношу этих типов из Инсмута. Ноги моей не будет в их городишке. Вы ведь знаете, хотя сами-то вы, судя по выговору, с Запада, что суда из Новой Англии плавают и в Африку, и в Азию, и в Южную Америку. В какие только порты они не заходят, каких только людей не видят! А иногда кого-нибудь и с собой прихватят. Может, слышали о жителе Салема, который женился на китаянке? А в районе Кейп-Кода целое поселение выходцев с островов Фиджи.

В уроженцах Инсмута тоже ощущается что-то заморское. Трудно правда, докопаться до истоков: место окружено болотами и рукавами реки — практически отрезано от остального мира. Думаю, это старый капитан Марш повез разных туземцев, ведь в двадцатые — тридцатые годы он владел тремя кораблями. В жителях городка есть что-то диковинное. Не знаю, как объяснить, но иногда посмотришь на такого — и мороз по коже. Взять хоть Сарджента. Сами увидите, если сядете в его автобус. Головы у них обычно вытянутые, носы сплюснутые, а глаза так выпучены, что непонятно, как они умудряются их закрывать. Да и кожа странная — шершавая какая-то и словно паршой покрыта. На шее лежит складками. Рано лысеют. Особенно уродливы старики, но их, слава богу, не часто видишь. Может, помирают быстро. Посмотрят на себя в зеркало — и дух вон. Животные инсмутцев не выносят. Трудно им было ладить с лошадьми, пока не появился автотранспорт.

Жители Архема и Инсуича не хотят иметь с ними дела, да они и сами нелюдимы. В город приезжают — держатся в сторонке. И не приведи Господи ловить в их краях рыбу. А там всегда пропасть. Нигде нет, а там кишмя кишит. Но только попробуй пристроиться — сразу прогонят. Раньше оттуда добирались по железной дороге, шли до Раули пешком, а там садились в поезд. Но после того, как ветку прикрыли, ездят на автобусе.

Говорите, гостиница? Как же, есть. Называется «Джилмен-Хауз», но не думаю, что приличная.

Не советую в ней останавливаться. Лучше проведите ночь в нашем городе, а утром садитесь на десятичасовой. А там уже пересядете на тот, что идет в Архем. Он отходит в восемь вечера. Пару лет назад один инспектор фабричного дела останавливался в «Джилмен-Хауз». Остался, говорят, недоволен. Там, судя по всему, собирается черт знает кто. Хотя вроде бы большинство номеров были пустыми, но он слышал в них голоса. Жуткие голоса. У него кровь в жилах застыла. Говорили не по-нашему. Один голос был особенно ужасен: какой-то неестественный, говорит — будто хлюпает. Инспектор побоялся даже лечь, так и просидел одетый всю ночь. Только рассвело — сразу деру. А те голоса всю ночь не умолкали.

Этот человек, его имя Кейси, рассказывал, что инсмутицы глаз с него не спускали и держались настороже. Его очень озадачило положение дел на фабрике Марша — той, что в старом здании, на нижнем берегу Меньюксета. Я об этом слышал и раньше. Бухгалтерские книги в непотребном состоянии, учет ведется как бог на душу положит. Вечная загадка — где Марш достает золото для обработки. Он и прежде, когда всю торговал драгоценностями, не закупал его помногу.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1027416>